
Н. С. РОЗОВ

СУЩНОСТЬ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ЦЕННОСТЕЙ ИЛИ УТВЕРЖДЕНИЕ ГОСПОДСТВА?

Преступность редко оказывается в центре философских размышлений. Вероятно, это обусловлено неявной предпосылкой – трактовкой преступности как досадного отклонения от сущности Человека, Общества, Культуры, Творчества, Истории и подобных достойных предметов философствования. Вместе с тем надежды на полное искоренение преступности (равно как войн, насилия, неравенства и пр.) давно угасли, особенно в связи со взрывным ростом терроризма, в сравнении с которым прежняя традиционная преступность представляется уже чем-то обыденным и чуть ли не нормальным.

Судя по всему, мы имеем дело не с устранимым отклонением, а с неизбывным свойством природы человека и/или общества. Следовательно, частные криминологические, антропологические, социологические исследования не могут исчерпать сущность феномена преступности, требуется более общее – философское – осмысление.

В статье «Эволюция идеи отчуждения в европейской мысли в контексте проблематики преступности и зла»¹ В. А. Дубовцев предпринимает смелую попытку осмысления современных явлений криминализации с позиций достаточно абстрактной философской антропологии. По многим вопросам я не могу согласиться с выводами статьи, но, спросив себя, какой же правильный ответ, я обнаруживаю: такового не знаю и не вижу. Нужно поразмыслить. Данная работа представляет ход и плоды этого размышления. В рассматриваемой теме меня также интересуют общие и глубинные

¹ Дубовцев, В. А. Эволюция идеи отчуждения в европейской мысли в контексте проблематики преступности и зла // Философия и общество. – 2007. – № 1. – С. 14–31.

корни преступности. Но отличие моей стратегии в том, что поиск ведется не напрямую, в абстрактных философско-антропологических сферах, а окольным путем – через осмысление современных научных, прежде всего социологических, интерпретаций преступности.

Три источника преступлений

Благодаря Дюркгейму мы знаем, что если нет правовых норм (запретов, за нарушение которых наказывают), то нет и преступлений.

Преступления, особенно когда речь идет не о бытовых, а об уголовных преступных деяниях, иногда бывают «бескорыстными» (например, убийство из ревности или увечье в драке из-за нанесенного оскорбления). Самыми распространенными, однако, являются мотивы получения наживы, а также мотивы мести, устрашения, получения садистского или сексуального удовлетворения. Без анализа этих мотивов разговор о самом по себе преступлении представляется не только чересчур абстрактным, но и уводящим от существа дела.

За любыми правовыми нормами стоит незримый субъект (в настоящее время – общество или государство), понимаемый как источник норм и вершитель наказаний. Преступление непременно предполагает либо пренебрежение, либо протест против государства, его правоохранительных органов или против всего общества.

Эти три действительно фундаментальные особенности отделяют собственно преступления от абстрактно-метафизического «пере-ступания границ».

Соответственно истоки и факторы современной криминализации нужно искать в этих трех областях:

1. Что происходит в нормативно-правовой сфере?
2. Что происходит с предметами и потенциальными мотивами преступных деяний (деньги, блага, собственность, истоки возникновения и возможности удовлетворения потребностей, связанных с насилием, нарушением чужих прав и интересов)?
3. Что происходит между индивидами, группами (потенциально преступными) и навязывающим, охраняющим нормы сообществом

(в лице государства, силовых органов, сотрудничающих с ними организаций и граждан и т. д.)?

Отчуждение – реальность или идеология?

Казалось бы, здесь все прозрачно. Если отчуждения нет, а есть, напротив, солидарность с государством и обществом, то пойти на преступление или вообще невозможно, или для его совершения нужны какие-то сверхсильные мотивы, шоковое, невменяемое состояние (последнее, кстати, считается серьезным смягчающим обстоятельством).

Для исследователей, получивших образование в советскую эпоху, категория отчуждения ассоциируется с романтическими (и ранее умеренно фрондирующими) представлениями о свобододолюбивых и дышащих светлым гуманизмом работах молодого Маркса, дух которых был развит в трудах А. Грамши, представителей Франкфуртской школы, отчасти подхвачен вполне симпатичными левыми радикалами, экзистенциалистами, популярными социологами типа Э. Гидденса. По всем этим причинам гегелевское и особенно марксистское «отчуждение» представляется обоснованной, богатой и многое объясняющей категорией, в значимости которой даже как-то неловко сомневаться.

Тем более любопытно, что такой авторитетный социальный мыслитель, как Рэндалл Коллинз, считает отчуждение не более чем идеологическим клише. А поскольку выше мы согласились с тесной увязкой преступлений с отчуждением, то анализ данной аргументации здесь вполне уместен.

Р. Коллинз посвящает этой теме особую главу «Отчуждение как ритуал и идеология» в своей книге «Вебериянская социологическая теория»².

Заметим, Коллинз не отрицает того, что отчуждение как явление может иметь место. Коллинз критикует марксистскую, неомарксистскую и леворадикальную трактовку отчуждения.

В качестве главных мишеней выбираются тезисы, которые можно сформулировать примерно так.

² Collins, R. Weberian sociological theory. – NY: Cambridge Univ. Press, 1986. – P. 247–266.

1. *Философский принцип отчуждения.* Люди своими руками производят искусственный материальный и социальный мир, который начинает жить своей жизнью, не считается с людьми, доминирует над ними и подавляет их.

2. *Политэкономическая трактовка отчуждения.* Лишенные собственности рабочие вынуждены продавать свой труд капиталистам. Последние заставляют работать их больше, чем стоит труд, изымают прибавочную стоимость, которая и является источником капитала. Так от рабочих отчуждаются результаты труда, а сами они оказываются отчужденными от всего богатства, ими произведенного, и от всей капиталистической системы.

3. *Исторический взгляд: бурный рост отчуждения и его грядущее преодоление.* Крестьянин и ремесленник традиционного общества не были отчуждены ни от своего труда, ни от окружающей социальной системы. Рост капитализма сопровождается ростом отчуждения. Зато неспособность капиталистов в будущем удержать падение нормы прибыли приведет к краху этой системы, а в социалистическом обществе, свободном от частной собственности и наемного труда, отчуждения уже не будет.

4. *Критика массовой культуры как проявления отчуждения.* В современном буржуазном обществе широкие слои населения отчуждены от настоящей высокой культуры и вынуждены потреблять предлагаемую им низкопробную массовую культуру (поп-музыка, телесериалы, дешевые детективы, дамские романы и пр.).

5. *Политическая концепция отчуждения как основы протеста и мобилизации.* Отчуждение реально, поскольку протестные группы и движения возникают, спланиваются, мобилизуют массы в борьбе против этого отчуждения и во имя его преодоления.

Против каждого из этих положений Коллинз находит аргументы.

1. *Философия: незаконность материалистической перелицовки идеи Гегеля.* Вполне реалистически и даже позитивистски мыслящий Коллинз вдруг сочувственно цитирует идеалиста Гегеля. В «Феноменологии духа» Гегель описывает ступени отчуждения духа от собственных творений, которые также являются духом, что вполне законно на идеалистической

платформе. Как только Марксом было объявлено, что материальный мир существует сам по себе, а люди являются его частями, жалоба на то, что произведенное человеком вдруг стало отчужденным и довлеющим, с точки зрения Коллинза, уже не является корректной. Материальный мир, будь то природный или социальный и включающий технику, всегда довлел над человеком как над своей частью. Так что в материалистической трактовке столкновение человека с самостоятельными и нередко противостоящими материальными и социальными силами – нормальная и неизбежная ситуация. Маркс, однако, незаконно заимствует у Гегеля эмоционально насыщенную категорию отчуждения для идеологического обвинения капитализма в тотальном извращении человеческого положения в мире.

2. *Политэкономия: капитализм зиждется не на прибавочной стоимости, а на рынках.* Коллинз вслед за Бем-Баверком и Шумпетером показывает, что прибавочная стоимость не является единственным и даже важнейшим источником капитала. Многообразные формы оборота капитала в кредитных рынках, торговле, инвестициях, расширениях и обновлениях производств, нахождении и создании новых форм и ниш спроса оказываются более весомыми. *Именно в эту сторону стал развиваться капитализм, а вовсе не в сторону дальнейшего усиления эксплуатации рабочих и выкачивания из них большей прибавочной стоимости.* Коллинз показывает, что рикардиевское предубеждение Маркса не позволило ему увидеть главный мотор как роста, так и повторяющихся кризисов капитализма – *саморазвивающиеся и неустойчивые по своей природе рынки.* С этой точки зрения становится понятно, почему мелкий ремесленник или фермер, как оказывается, вовсе не обязан был полностью разоряться и терять собственность, чтобы стать наемным рабочим. Положение рабочего во многом предпочтительней. Мелкий производитель всегда крайне уязвим по отношению к колебаниям рынка, а рабочий день его, как правило, никак не нормирован. Положение «отчужденного от своего труда» рабочего оказывается лучше, поскольку рабочий больше защищен от рыночных опасностей и может отстаивать свои права, например, требуя повышения зарплаты и сокращения рабочего дня.

3. *История: против идеализации докапиталистических и социалистических обществ.* Коллинз утверждает, что в традиционных аграрных обществах отчуждение подавляющей части населения от создаваемых богатств и государства было не меньшим, а большим, чем при капитализме. Это выражалось и внешним образом в обязательных демонстрациях самоуничужения и подобоострастия перед представителями знати. Причем даже в самих домохозяйствах царила та же жесткая авторитарная модель с обязательной покорностью, поясными поклонами, целованием рук главе семьи и т. д. Отношения между основной частью населения социалистических государств и всевластной номенклатурой хорошо известны и не требуют комментариев.

4. *Культура: против элитистского снобизма интеллектуалов.* Среди моря разлитого стонов о пагубности массовой культуры и отчужденности современного человека от культуры настоящей и высокой Коллинз не побоялся высказать свою, как всегда не совпадающую с общим хором, точку зрения. То, что интеллектуалам не нравится продукция массовой культуры, потребляемая рабочими и другими группами нижних социальных страт, вовсе не означает ее бессмысленности и отчужденности этих слоев от культуры. Снобизм культурных и интеллектуальных слоев, чьи «высокие» и «классические» вкусы были сформированы с неперменной ориентацией на престижное культурное потребление буржуазной и аристократической элит, не позволяет увидеть *полноценную революцию по демократизации средств культурного производства и потребления.* Если классические опера и балет немислимы без мощного спонсорства со стороны аристократии, буржуазии или централизованного государства, то творчество рок- и поп-групп через магнитофоны и плееры стало доступно практически всем. Юноша, через наушники слушающий свою любимую музыку в уличной толпе или общественном транспорте, – это символ не отчуждения людей от культуры, а небывалых широчайших возможностей личного выбора характера и содержания культурного потребления.

5. *Политика: отчуждение является не источником, а результатом и сакральным символом социальной мобилизации.* Коллинз указывает на любопытный парадокс. Молодежные

волнения и протесты 1968 г. – время наибольшего отчуждения участников от ценностей, целей, внешней политики, сексуальных норм, всего истеблишмента тогдашнего общества. Однако практически все они до сих пор вспоминают это время с теплыми чувствами и ностальгией. Оказывается, до участия в этих протестах мало кто в молодежной среде остро переживал отчуждение от всех ценностей и устоев окружающего общества. Чувство отчуждения появлялось и усиливалось как раз по мере подъема молодежных волнений и соответствующей социальной мобилизации. Кроме того, само это отчуждение и протест становились групповыми сакральными символами, вокруг которых аккумулировались связи и эмоции солидарности. Таким образом, отчуждение оказывается не объяснительной концепцией, а внутренней идеологией самих протестных движений.

6. *Социология: отчуждение как нормальный результат встречи микро- с макро-*. Будучи профессиональным социологом, Коллинз, конечно же, дает соответствующую теоретическую трактовку отчуждения как феномена. Большую часть своей жизни мы проживаем в микросоциальном мире: семья, работа, друзья, покупки, пользование услугами; непосредственный антураж досуга также микросоциален, даже в путешествиях. Однако бывают случаи столкновения с макроструктурами – государством, рыночными эффектами. Пока все идет гладко, никакого отчуждения не бывает. Но в ситуациях фрустрации (равнодушие и плохая работа чиновников, осязаемая инфляция, спад спроса на производимую продукцию или услуги, волна увольнений) естественным образом появляются досада и раздражение, напрямую связанные с неспособностью эффективно повлиять на макроструктуру. Здесь и оказывается наготове идеология отчуждения, на платформе которой возможна консолидация между теми, кто чувствует себя ущемленным.

Подведем некоторые итоги по вопросу об отчуждении. Коллинз не отрицает самого феномена, но отрицает его драматизацию и придание явлению глубинного метафизического характера. Отчуждение как чувство отверженности и неспособности повлиять на социальное целое – нормальный эффект неуспешного столкновения индивида с макроуровнем. Нет никакого тотального

роста отчуждения в современном мире, но беспочвенны и любые надежды на полное преодоление явлений отчуждения в будущем.

Отчуждение и преступность

О чем здесь рассуждать? Нынешний вал преступности обусловлен глубиной отчуждения в современном жестоком мире. В. А. Дубовцев формулирует данный тезис следующим образом: «Криминальный субъект из возможного превращается в действительный при условиях социально-исторического масштаба, порождающих отчуждение индивида от христианской религии, отчуждение его от государственно-политической власти, отчуждение от частной и общественной собственности, отчуждение от морали и культуры, отчуждение от мировой цивилизации и природы»³.

Простота и очевидность такого рода тезисов обманчива. Разберемся вначале, действительно ли современные профессиональные преступники (воры, бандиты, мошенники, рэкетеры) отчуждены от ценностей сегодняшнего коммерциализированного общества? Дорогие машины, поездки на престижные курорты, хорошо обставленные собственные квартиры и дома, возможность бывать в дорогих элитных клубах и ресторанах, покупать одежду и вещи в модных магазинах – эти земные ценности и цели оказываются общими для криминальных элементов и обычных граждан, например: бизнесменов, чиновников, адвокатов, артистов, спортсменов – да всех и не перечислить. Итак, по параметру целей и предметов «наживы» никакого отчуждения криминалитета от остального общества обнаружить не удалось. Коррупционеры и мошенники отнюдь не отчуждаются от частной собственности, а напротив – всячески стремятся ее обрести и приумножить.

Нахождение причин преступности в «отчуждении от христианской религии» представляется сугубо идеологическим клерикальным тезисом, лишенным каких-либо обоснований (кроме

³ Дубовцев, В. А. Эволюция идеи отчуждения в европейской мысли в контексте проблематики преступности и зла. – С. 25–26.

чисто идеологических: христианство и православие – хорошо, а отчуждение от них – плохо).

В сталинское и хрущевское время, когда жестко навязываемое государством отчуждение от христианства было максимальным, преступность находилась на вполне умеренном уровне. В начале 1990-х при росте влияния Русской православной церкви и возвращении людей в церковь уголовщина и рэкет взлетели до небывалой высоты. Можно согласиться с тем, что искренне и глубоко верующий с меньшей вероятностью совершит преступление. Но то же можно сказать и о принадлежности к нерелигиозным группам: убежденные «зеленые», правозащитники, солдатские матери, защитники животных в той же мере, что и христиане, воздерживаются от преступлений.

Остается верным то, что криминальные элементы отчуждены от правовых норм, от стоящих за ними общества и государства. Однако и здесь рассуждения и доводы Коллинза позволяют по-новому взглянуть на проблему.

Как мы видели на примере протестных молодежных движений, отчуждение является не источником, но результатом и идеологией мобилизации. То же самое можно предположить и о формировании преступной личности и преступной организации (криминального субъекта). Действительно, чтобы начать красть, грабить и убивать, нужна жесткая психическая установка: это чужие, их не жалко, им так и надо, законы и запреты – это они выдумали, мы же – другие, мы лучше, мы – «люди», «реальные пацаны», а не лохи, не мужики и не барыги, у нас свои законы и свои порядки.

Такого рода установки не бывают врожденными, они формируются, соответственно вместе с ними формируются и отчужденность от окружающего общества («лохов», «мужиков» и «ментов»), и принадлежность к своему преступному сообществу («людям», «пацанам», «браткам»).

Почему происходит выбор в ту или иную сторону – вот ключевой вопрос для понимания причин современного роста преступности.

Преступление в зеркале классических и современных социальных теорий

В криминалистике и смежных социальных науках имеется достаточно широкий веер концепций, объясняющих преступность. Они могут быть поделены на консервативные и либеральные.

В первых не ставятся под сомнение закон, норма, право, а также государство, общество, социальная система или группы, устанавливающие и защищающие законы. С консервативной точки зрения, преступление – это нарушение устоев, которые священны уже потому, что традиционны или установлены властью, которая всегда легитимирует себя в той или иной традиции. Для консерваторов преступность – очевидное и безусловное зло либо выражение зла, направленного на умышленное разрушение священных устоев.

Напротив, либеральные концепции обычно избегают моралистических инвектив. Отнюдь не оправдывая преступников, либерально ориентированные авторы стараются усмотреть причины их поведения в недостатках самой социальной системы либо в непреднамеренных или даже преднамеренных действиях государства и социальных групп. Любопытно, что марксистская трактовка преступности, долгое время служившая основой советской криминологической мысли, а в 1920-х гг. – даже пенитенциарной системы, явно относилась к либеральному типу. Действительно, если исконная причина преступности – пороки отживающего буржуазного общества, то возможна и необходима реабилитация преступников с помощью ударного социалистического труда, а по мере построения социализма преступность вообще должна была исчезнуть: «юрист – вымирающая профессия».

Затем маятник качнулся в противоположную сторону. Известный «обвинительный уклон» советского и постсоветского российского правосудия, а также строгости тюремного заключения, почти избавленные от прежних надежд на исправление, являют собой практическую сторону вполне консервативного взгляда: преступность – прямая угроза социалистическому государству, а теперь – национальной безопасности России. Более того, за фигурой преступника маячат либо происки империализма, либо вселенское зло, либо мировые центры силы, стремящиеся погубить Россию.

По всем признакам концепция В. А. Дубовцева принадлежит консервативному крылу криминологической мысли. Здесь

пространно обсуждаются идейные истоки ценностного нигилизма и тотального отчуждения, а нигилизм – это не что иное, как разрушение священных устоев. Воздерживаясь от мировоззренческой дискуссии, я хочу только обратить внимание на другое крыло – либеральные концепции преступности, поскольку именно в этом направлении в XX в. развивалась западная мысль (и продолжает развиваться сейчас, даже несмотря на рост террористических угроз).

В классических трудах Бонгера и Мертона развернута *теория депривации*, согласно которой состоятельные люди менее склонны к преступлениям, а бедные – более⁴. Родственной является *теория маргинальности* (Т. Хирши и др.)⁵. Есть также концепция, согласно которой субкультура низших классов или даже средняя школа является источником и питательной средой преступности⁶.

Весьма любопытной является концепция *навешивания бирок* (labeling theory)⁷. Так, случайное попадание в полицию одного подростка из многих, совершивших схожие мелкие правонарушения, приводит к цепи практик и взаимодействий, формирующих настоящего преступника.

Наиболее радикальной является *теория правового происхождения преступности* из самого закона и создания новых правовых норм: запреты на потребление алкоголя, наркотиков, на азартные игры, гомосексуализм, проституцию, порнографию, аборт, частное предпринимательство, обмен валюты создают соответствующие и сопутствующие типы преступности⁸.

Рассмотрим необычную концепцию преступлений, развиваемую создателем «чистой социологии» Дональдом Блэком⁹.

⁴ Bonger, W. *Criminality and Economic Conditions*. – Boston, Little, Brown, 1916; Merton, R. *Social Structure and Anomie* // *American Sociological Review*. – 1938. – № 3. – P. 672–682.

⁵ Hirschi, T. *Causes of Delinquency*. – Berkeley: University of California Press, 1969.

⁶ Sutherland, E., and Cressey, D. *Principles of Criminology*. – New York, Lippincott, 1955; Cohen, A. *Delinquent Boys: The Culture of the Gang*. – Glencoe: Free Press, 1955. Miller, W. *Lower Class Culture as a Generating Milieu of Gang Delinquency* // *Journal of Social Issues*. – 1958. – № 14. – P. 5–19.

⁷ Becker, H. *Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance*. – New York: Free Press, 1963; Lemert, E. *The Concept of Secondary Deviation* // *Human Deviance, Social Problems, and Social Control*. – Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1967. – P. 40–64.

⁸ Black, D. *Production of Crime Rates* // *American Sociological Review*. – 1970. – № 35. – P. 733–748.

⁹ Black, D. *The Social Structure of Right and Wrong*. – San Diego: Academic Press, 1998. – P. 27–46.

Он предлагает фиксировать внимание не на нарушении норм (установление которых варьирует и само зависит от многих факторов), а на социальном смысле преступления. Некоторые преступления оказываются просто формой экономического поведения; так, преступное вымогательство денег структурно оказывается сходным с вполне законным, но не менее жестоким вымогательством со стороны землевладельца в средние века или современного врача. Другие преступления подходят под категорию *социального контроля*, которая всегда традиционно сопоставлялась с моралью и правом. Оказывается, множество преступлений совершаются, с точки зрения преступников, в качестве справедливого наказания за вину самой жертвы или тех, кого ей выпало несчастье представлять. «Есть аспект, в котором поведение, трактуемое как преступное, часто является чем-то совершенно противоположным. Будучи далеко не осознанным нарушением запрета, многие преступления являются моралистичными и совершаются во имя справедливости. Таковы способ разрешения конфликта, возможно, форма наказания, даже уголовного наказания. С точки зрения закона это самоуправство (self-help). В той мере, в которой преступное деяние определяет поведение кого-то другого – жертвы – как неправомерное и соответственно отвечает на него, оно является социальным контролем»¹⁰. «Преступление часто выражает обиду, оскорбленность. Это означает, что многие преступления принадлежат тому же семейству, что и сплетни, насмешки, месть, наказание и само право. Это также означает, что в значительной степени мы можем предсказать и объяснить преступление с помощью социологической теории социального контроля, особенно теории самоуправления»¹¹.

Социальный контроль и самоуправство вполне могут быть совмещены с экономическими преступлениями. Обратимся к описанию талантливым петербургским социологом Вадимом Волковым отношения российских рэкетиров («бандитов») к

¹⁰ Black, D. The Social Structure of Right and Wrong. – San Diego: Academic Press, 1998. – P. 27.

¹¹ Ibid. – P. 41.

коммерсантам

в начале 1990-х гг.

«При встрече силовые партнеры дают гарантии от лица своих коммерсантов, так как слова последних недостаточно для гарантии осуществления постоянных отношений экономического обмена. Действительно, бизнесмены или коммерсанты часто попадали, особенно в ранний период развития предпринимательства, в ситуации невыполнимых обязательств, больших долгов или сталкивались с недобросовестным поведением контрагентов, и им приходилось обращаться к силовым партнерам, чтобы разрешить споры или вернуть деньги. Коммерсанты воспринимались бандитами как безответственные и бесхарактерные люди, не способные вызывать доверие, – настолько бесхарактерные и пугливые, что обирать их считалось почти что моральным долгом. Коммерсанты (барыги) воспринимались бандитами (реальными пацанами) как морально неполноценная группа, так как они не могли себя защитить и боялись за свою жизнь. Бандиты же, наоборот, постоянно рисковали жизнью (или постоянно об этом заявляли); их жизнь была залогом, гарантировавшим сделки. Взаимные гарантии силовых партнеров работали постольку, поскольку их слово имело силу закона. Часто различие между вымогательством и предоставлением действительных услуг было весьма условным. Бандиты были заняты тем, что вменяли коммерсантам вину за что-либо, ставя их в позицию должников, а затем получали предполагаемые долги. Платежи или комиссионные, которые силовые партнеры получали за то, что они дополняли или даже подменяли взаимные обязательства экономических субъектов своими обязательствами, или за то, что заставляли коммерсантов выполнять свои обязательства, выступали в качестве денежного выражения их (силовых партнеров) морального господства»¹².

Как видим, здесь имеют место чувства превосходства, собственной правоты, справедливости поборов (социальный контроль), совмещенные с подменой государственного контроля за

¹² Волков, В. Силовое предпринимательство. – СПб. – М., 2002. – С. 134.

экономическими транзакциями (самоуправство) и рутинной экономической деятельностью (вымогательством).

Как представляется, такое осмысление существенно глубже, чем простая фиксация нарушения закона (нормы), и во многом адекватнее, чем метафизические и философско-антропологические фантазии на темы трансценденции как пере-ступания.

Нормальность преступления в конфликтном обществе

Р. Коллинз в своей популярной книге по «неочевидной социологии» посвящает данной теме особую главу, которую называет достаточно скандальным образом – «Нормальность преступления»¹³.

Преступления разделяются Коллинзом на три основных типа.

«Преступления без жертв», когда нормы нарушают добровольно сами «жертвы» предполагаемого ущерба (пьянство, потребление наркотиков, проституция и т. д.). Показано, что такие преступления действительно интенсивно создаются «теми социальными силами, которые определяют их как преступные; люди, которые становятся заклеяемыми как преступники, обычно оказываются втянутыми в сети другой преступности в результате правоохранительных процессов»¹⁴.

Есть «преступления, совершаемые в порыве страсти, которые, как представляется, в гораздо большей степени происходят из чисто личностной природы» (увечья в драках, убийства из ревности, мести или обиды, изнасилования). Как выясняется, количество таких преступлений не особенно зависит от силы и даже наличия принудительного контроля. Интересным историческим свидетельством является случай Дании, в которой гитлеровская Германия в 1944 г. из боязни поддержки местными силами уже высадившихся союзников арестовала всю полицию и почти на год оставила страну без эффективного контроля над преступностью. Оказалось, что число убийств и сексуальных преступлений осталось

¹³ Коллинз, Р. Социология интуиции / П. Бергер, Б. Бергер, Р. Коллинз // Личностно-ориентированная социология. – М.: Академ. проект, 2004. – С. 491–527.

¹⁴ Там же. – С. 517.

примерно на том же уровне. Зато в десять раз выросло число преступлений третьего типа.

Таковы преступления против собственности. Концепции «создания преступлений» и «навешивания бирок», как оказалось, не особенно хорошо работают для данного типа преступлений. Однако «криминальная революция» как главный предмет внимания книги «Философия преступности» касается именно преступлений против собственности. Есть ли в запасе у Коллинза нетривиальный подход к осмыслению явлений такого рода?

Он отталкивается от своей излюбленной дюркгеймовской теории ритуалов и солидарности. «Если мы взглянем на систему криминального правосудия с точки зрения того, как сделать что-то, чтобы воспрепятствовать преступности, то увидим, что она неэффективна и даже абсурдна. В ней будет больше смысла, если мы осознаем, что все социальное давление ложится на драматизацию наказания и что это делается для того, чтобы убедить общество в целом в правомерности правил, а не обязательно для того, чтобы убедить преступника. Из этого следует даже более парадоксальное заключение. Общество нуждается в преступности, говорит Дюркгейм, если это необходимо для его выживания. Иначе правила не могли бы церемониально выполняться и пришли бы в общественном сознании в упадок. Моральные сантименты, которые возникают, когда члены общества чувствуют общее возмущение против какого-то ужасающего нарушения, больше не будут ими переживаться. Если общество слишком долго прожило без преступлений и наказаний, его собственные узы отомрут, и группы распадутся. По этой причине, объяснял Дюркгейм, общество будет заниматься производством преступлений, если они уже не существуют в нем в достаточном объеме. Поэтому то, что считается сейчас преступлением, может значительно видоизмениться в зависимости от того, к какому типу общества этот социум относится»¹⁵.

Коллинз берет у Дюркгейма ключевой компонент: социальную потребность в преступлениях и ритуальном наказании преступлений, но отказывается от дюркгеймовского холизма – заинтересованным субъектом выступает отнюдь не все общество.

¹⁵ Коллинз, Р. Социология интуиции // Указ. соч. – С. 519–520.

Вместо этого Коллинз использует марксистскую тему социального неравенства и стратифицированности. Именно высшие социальные классы, имеющие максимальную сплоченность и стремление сохранить свое доминирование, соответственно постоянно оправдывают его, оказываются главными силами, заинтересованными в наличии преступности и в ритуальном наказании преступников. К Дюркгейму и Марксу добавляется еще и Вебер: несмотря на сплоченность высших классов перед лицом низших, все равно имеются конкурирующие и конфликтующие группы (прежде всего, политические партии в широком веберовском смысле), вынужденные отстаивать друг перед другом и перед будущими избирателями свою легитимность, в том числе как лидеров в борьбе против преступности. Крутой замес из идей классиков, которые в обычных учебниках социологии и политологии подаются как несовместимые парадигмы, дает плодотворный, необычный, но вполне реалистический взгляд.

«...Забота о наказании преступников – это лишь один из аспектов борьбы между группами. Это символическая форма политики»¹⁶. Почему же политики так любят говорить о преступности? «Потому что сама идея преступности возбуждает многих людей, особенно если воображение работает у них таким образом, что они идентифицируют себя с жертвами преступлений. Газеты и масс-медиа вносят в это свою лепту яркими публикациями об отдельных преступлениях, которые вызывают наибольший “человеческий интерес”... Этот тип избирательной драматизации преступления и его наказания (сцена в зале суда) работает, подобно дюркгеймовскому ритуалу, на мобилизацию населения и, между прочим, на то, чтобы оказать помощь определенным политикам, которых и выбирают благодаря их сильному лидерству в деле борьбы с преступностью»¹⁷.

Далее оказывается, что преступность «функциональна» не только с точки зрения политической борьбы, сплочения высших классов вокруг политиков и мобилизации населения, но также в

¹⁶ Там же. – С. 521.

¹⁷ Коллинз, Р. Социология интуиции // Указ. соч. – С. 522.

более глубоком смысле – для поддержания самого социального неравенства.

«Беспокойство по поводу преступления узаконивает социальную иерархию. Общество, которое удерживается воедино с помощью ритуала наказания, – это стратифицированное общество. В этом смысле преступность встроена в общую социальную структуру. Любые ресурсы, которые использует господствующая группа для контроля, будут иметь связанные с ними преступления. Поскольку имеет место непрекращающаяся борьба между группами за господство, какие-то из групп будут преступать стандарты других групп. И те индивиды, которые наименее интегрированы в любые группы, будут преследовать собственные индивидуальные цели без-относительно к морали, выдерживаемой другими. Поэтому обычно не бывает недостатка в действиях, оскорбительных в отношении многих групп общества. И эти оскорбления в каком-то смысле приветствуются господствующими группами. Преступление дает им возможность совершать церемонии наказания, которые драматизируют нравственные чувства общности, поддерживающие их групповое господство. Это означает, что любой тип общества будет иметь свои собственные особые преступления»¹⁸.

Как видим, преступность в данной концепции также имеет весьма глубокие онтологические корни в самой сущности человеческой природы, но только уже не в абстрактном индивиде, как его трактует философская антропология, а в конфликтной и стратифицированной природе человеческого общества.

Весьма многообещающим является также указанный путь поиска объяснений специфики преступности в каждом обществе в зависимости от характера господствующих групп, особенностей их легитимации и используемых ресурсов контроля.

Проверка либеральных теорий преступности

У нас также есть возможность проверить объяснительную силу представленных выше либеральных теорий в приложении к ситуации постперестроечной России. Концепции депривации и

¹⁸ Там же. – С. 523.

маргинальности не особенно нам помогают. Угрозы от беднейших и деклассированных элементов, конечно, имеются, но не сравнимы с угрозами вполне сплоченных самосознательных, могущественных и состоятельных группировок, плотно сотрудничающих с государством или уже «приватизировавших» его силовые и административные ресурсы.

Теория «навешивания бирок» имеет определенный смысл. Социологические опросы (Левада-Центр и др.) показывают, что в глазах большинства населения российские чиновники в своем большинстве коррумпированы и неэффективны, однако около четверти опрошенных хотели бы пойти на государственную службу. Образ милиции и милиционера тоже не самый радужный, но в милицию идут, и не в последнюю очередь потому, что надеются на дополнительные доходы и использование силы. «Если все равно все уверены, что мы “пилим” бюджетные деньги, то нужно быть дураками, чтобы их не “пилить”». «Если все равно нас считают сволочами и хамами, то надо показать в случае чего, кто сильнее и главнее». Трудно сказать без специального эмпирического исследования, в какой мере установки такого рода распространены и действенны. Скорее всего, они служат своего рода психологической защитой, но вряд ли их можно рассматривать как основные причины соответствующего поведения.

Концепция преступления как социального контроля и самоуправления в приложении к поведению чиновничье-силовой олигархии дает довольно интересный результат. Действительно, почему бы не предъявлять налоговых и иных требований к бизнесу в точном соответствии с имеющимися государственными правилами и стандартами? Экономический коррупционный интерес очевиден. Но широта распространения практики нелегитимных поборов, растущая активность в давлении на бизнес, круговая порука чиновников и силовиков и фактическая ненаказуемость их действий указывают на нечто большее. «Современное российское богатство изначально нечестно и незаконно, поэтому брать с богатеев нужно больше, чем установлено в законе» – примерно такая установка уже прямо подходит под понятия социального контроля и самоуправления. Таким образом, вымогательство и коррупция воспринимаются

самими вымогателями и коррупционерами как исправление прошлой несправедливости. Вероятно, имеется и более глубокий исторический и ментальный пласт такого самооправдания.

Вотчинность как внутренний мотор властного самоуправства

Известно, что почти в каждом регионе и каждом городе есть концентрические круги близости бизнеса к власти. Грубо говоря, есть «совсем свои» (фирмы родственников и ближайших друзей губернатора или мэра), «просто свои» (между руководителями фирм и местных властей существуют личные хорошие отношения, подкрепляемые взаимной поддержкой), «лояльные» (понимающие правила игры, те, на кого можно повлиять), «чужаки» (сами по себе, не стремящиеся проявить лояльность к местной власти) и «вражины» (замеченные в связях с соперничающей политической группой или в действиях против местной власти).

Понятно, что «совсем своим» создаются всевозможные предпочтения. От «просто своих» получают в разной форме «дары» как свидетельства почтения и добрых отношений, к ним можно обратиться с просьбой о поддержке. «Лояльные» – это основной состав «дойных коров». Кто не желает «дойтаться», тот рискует попасть в «чужаки». Местные руководители и силовые группировки либо пытаются «чужаков» превратить в «лояльных» и «дойных», либо изгнать их, если они смеют всерьез конкурировать на рынке со «своими». Для «вражин» имеется весь арсенал пресловутой «диктатуры закона» вплоть до так называемого «полного джентльменского набора» с личным арестом руководства фирмы, арестом банковских счетов, распродажей активов, обвинениями в убийствах и пр.

Опять же, экономические мотивы такого поведения вполне прозрачны. Загадкой остается долготерпение и бизнеса, и всего общества по отношению к такой политике как местных, так и федеральных властей. По-видимому, глубинным основанием осуществления социального контроля и самоуправления, помимо обид постперестроечной приватизации, является также укорененный комплекс патримониального, или вотчинного, отношения власти к подведомственной территории. Патримония подразумевает подчиненность всех на подвластной территории.

Приводить всех к подчинению, прежде всего, через законные и дополнительные поборы, требовать разного рода услуги и поддержку, – вот внутренний стержень социального контроля представителей власти над бизнесом. Таким образом, притеснение, в том числе незаконное вымогательство или необоснованные запреты на деятельность по отношению к «чужакам» и, тем более, «вражинам», понимается самими представителями местной власти, чиновничье-силовой олигархии как восстановление единственно возможного «порядка» на своей территории. Общество, бизнес, вышестоящая власть смотрят на это «сквозь пальцы», потому что патримониальный комплекс распространен повсеместно.

Орудия и ресурсы российской власти

Рассмотрим теперь, как помогает прояснить ситуацию концепция «нормальности преступлений» Р. Коллинза. Здесь преступность является органичным функциональным элементом стратифицированного общества. Причем наиболее сплоченные группы из высших классов используют факты преступности и публичные эмоции относительно преступности для утверждения своего господства и политической борьбы. Заметим, что сам Коллинз описывал современное ему западное (американское) общество, где коррупция среди высших классов и чиновничества не особенно распространена, поскольку, судя по многочисленным скандалам-«уотергейтам», пристальное внимание оппозиции и масс-медиа не делает исключение даже для наивысших рангов правительственной иерархии. В этой ситуации сплоченные группы господствующих классов находятся по другую сторону от преступности.

В современной российской ситуации все не так. Преступное, или, мягче, незаконное, использование силовых государственных ресурсов в корыстных индивидуальных и групповых целях уже широко распространено, растет, причем властвующая элита показывает красноречивые примеры такого рода деяний, никто особенно не боится скандалов и, уж конечно, не подает в отставку.

Самое интересное, что в этой, казалось бы, зеркально противоположной ситуации основополагающие тезисы Коллинза сохраняют свою силу. Все равно *преступность используется в*

современной социально-политической системе России для сплочения высших классов, утверждения ими своего господства в стратифицированном обществе, в политической борьбе между кланами и для собственной легитимации среди населения.

Фокус в том, что теперь это во многом собственная незаконная (а иногда и откровенно криминальная) деятельность. *Внутренняя сплоченность* чиновничье-силовой олигархии обеспечивается не возмущением против чужой преступности, а круговой кооперативной порукой, взаимным негласным убеждением в том, что на подвластной территории можно и нужно принимать и применять законы для себя и своей выгоды. Этим новая олигархия *утверждает свое господство* в поляризованном обществе.

Поскольку захваты собственности практически всегда совершаются с нарушениями, такие действия отдельных властных группировок делают их *уязвимыми в конкурентной квазиполитической борьбе*. В принципе, наказание может последовать, но только при соответствующем однозначном решении и «отмашке сверху». Следовательно, главным ресурсом в политической борьбе на местах и в средних слоях федеральных структур является благосклонность верховной власти, которой необходимо постоянно демонстрировать и подтверждать лояльность. Действительно, получившаяся модель «вертикали власти» до сих пор сдерживает взаимные нападки конкурирующих групп, чем и достигается на некоторое время видимая стабильность политической системы. Вместе с тем козырь потенциальных обвинений всегда в руках власти. В нужный момент, чтобы погасить социальную напряженность и заодно расправиться с недостаточно послушными, проводятся показательные «порки», всегда выборочные, но с демонстрацией жесткости «диктатуры закона».

Итак, сущностью криминализации современного российского государства является старая-новая форма утверждения господства властных элит: возвращение к старой «вотчинной» власти-собственности, но в новых «демократических» и «рыночных» одеждах, с применением нового, причем весьма эффективного и

безнаказанного потенциала «диктатуры закона» – выборочного силового принуждения с угрозами, арестами и конфискациями.

Философское резюме

Статья в итоге получилась в большей мере социологической и политологической, чем философской. Какие же выводы общего характера можно сделать на этой основе?

Разумеется, при желании в идущей криминализации российского государства можно усмотреть и последствия отчуждения, и диалектическое взаимопроникновение противоположностей права и неправа, но более адекватной представляется Марксова идея превращенной формы, например, в интерпретации М. К. Мамардашвили: «На место предмета как системы отношений становится квазипредмет, привязывающий проявление этих отношений к какой-либо субстанции, конечной и нерасчлняемой, и восполняющий их в зависимости от ее свойств. Это – мнимости, или квазиобъекты, существующие вполне объективно, дискретно и самостоятельно»¹⁹.

С этой точки зрения, государство и право в современной России только кажутся самостоятельной реальностью и системой отношений, но являются не более чем мнимостью, квазигосударством и квазиправом – *превращенной формой* утверждения господства сменяющих друг друга группировок и соответствующих волн криминализованного перераспределения власти-собственности.

В еще более общей перспективе преступность, в том числе огосударствленная, предстает как побочное выражение конфигурации сил и процессов (стремление к успеху, борьба за власть и ресурсы, использование преимуществ, в том числе обладания средствами принуждения и позициями в социальных институтах и т. д.), составляющих ключевое содержание «нормальной» жизни общества.

В философском исследовании природы другого кардинального зла – войны – я в свое время пришел к схожим выводам. «Успех сообществ с сопутствующими узавимостью и кризисами неуклонно

¹⁹ Мамардашвили, М. К. Форма превращенная // Философская энциклопедия: в 5 т. – М.: ГНИ «Советская энциклопедия», 1960–1970. – Т. 5. – С. 388.

подрывает добрую волю (собственное, ставшее привычным благополучие почти всегда важнее чужих неудобств и даже бедствий)

и затрудняет нахождение невраждебных решений. Таким образом, в самой своей глубине сущность войн следует соотносить с *природой человека и природой сообществ как стремящихся к успеху*. Опасность войн исчезнет только при прекращении стремления людей к успеху, то есть не исчезнет никогда. Войну порождает сама мирная жизнь, и прежде всего – мирный успех людей в достижении своего благополучия и незапланированные последствия такого успеха. Поскольку мы люди и стремимся к лучшему для себя, своих ближних и соплеменников, война всегда рядом»²⁰.

Преступность, как и война, является отнюдь не досадным отклонением, а побочным и практически неустранимым выражением стержневых свойств человеческой природы и природы человеческих обществ. Такой взгляд не ведет к признанию фатальной неизбежности и позиции пассивного смирения перед очевидным злом. В истории есть прецеденты как достижения весьма низких уровней преступности, так и довольно долгих периодов успешного предотвращения войн. Учет глубинной и «нормальной» природы источников преступности и войн должен привести, скорее, к пониманию бесперспективности прямых – морализаторских и репрессивных – попыток преодоления этих пороков.

Ставку следует делать только на творческую изобретательность по перенаправлению «нормальных» человеческих стремлений к успеху и доминированию в мирные и законные русла. Преступность, подобно насилию, войне, болезням и смерти, никогда не станет полностью отчужденной от человека. Мы можем не выносить вида крови, но она течет в наших жилах.

²⁰ Розов, Н. С. Природа войны: онтология и генезис массового организованного насилия // Макродинамика: закономерности геополитических, социальных и культурных изменений. Серия «Теоретическая история и макросоциология». – Вып. 2. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 340.